

А. П. ХУЗАНГАЙ (Чебоксары)

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЭТАПОВ РАЗВИТИЯ ХУННО-БУЛГАРО-ЧУВАШСКОГО ОНОМАСТИКОНА

0.1. В существующих классификациях тюркских языков чувашский язык помещается в одну группу с такими древними языками, как болгарский и хазарский. По мнению Н. А. Баскакова, языки волжских болгар и дунайских болгар можно считать диалектами болгарского языка, различающимися не только в пространственном, но и во временном отношении, т. е. представляющими разные стадии развития единого (прото)болгарского языка¹. Алтаист и чувашевед И. Бенцинг в известном компендиуме по тюркологии в состав болгарской группы включает чувашский, волжско-болгарский язык эпиграфических памятников XIII—XIV вв. и, отчасти, язык дунайских болгар VIII—IX вв.² В этом же разделе обсуждаются вопрос о языке хунну ~ гуннов, а также возможности этимологизации соответствующего ономастического материала³. Согласно К. -Г. Менгесу, волжско-болгарская, или хунно-болгарская, группа включает в себя язык волжских болгар и современный чувашский, в которых выявляются реликты языка гуннов⁴. Несмотря на неопределенность отношений между хунну ~ сунь-ну китайских династийных хроник и гуннов на территории Восточной и Западной Европы (IV—VI вв.), Менгес считает возможным объединить их в качестве особой группы алтайской языковой семьи⁵.

0.2. Ставя целью изучение чувашского ономастикона (или, несколько уже, — антропонимикона) в диахронии, мы должны принять тезис о преемственности между соответствующими этнолингвистическими образованиями (*хунну ~ гунны* → *протоболгары* (включая *хазар*?) → *чуваши*) и попытаться наметить нижние и верхние границы периодов развития хунно-болгаро-чувашского ономастикона, очертить круг источников, которые можно привлечь для создания надежно апробированного в палеографическом и историко-лингвистическом отношениях корпуса онимов, по мере возможности дать стратификацию иноязычных пластов антропонимии в пределах каждого периода. Важность решения этих задач диктуется не только необходимостью нащупать определенные подходы к изучению предыстории сложения чувашского ономастикона, но и тем, что языки болгарской группы (исключая чувашский) являются типичными примерами реликтовых языков с

малым фондом апеллятивной лексики. Большую часть доступного нам лингвистического материала по ним составляют разные типы собственных имен с преобладанием антропонимии. Такие языки принято называть ономастическими⁶.

1.1. Исследователями уже предпринимались опыты по систематизации относящегося к нашему вопросу материала — как ономастического, так и языкового в целом. Одним из первых в их ряду был Н. И. Ашмарин. В своем известном труде «Болгары и чуваши», подводящем своеобразный итог изучению темы *Vulgaro-Tschuwaschica* на рубеже XX столетия, он писал: «Памятники болгарского языка (если не считать тех слов, которые проникли от болгар в языки других народов) ограничиваются лишь весьма скудными остатками, к которым нужно отнести: 1) редкие слова, оставшиеся от языка гуннов; 2) некоторые наименования, сохранившиеся от древних дунайских булгар; 3) имена болгарских каганов, переданные нам греческими авторами и сохранившиеся в болгарском именнике; 4) редкие болгарские слова, встречаемые в русских летописях и у арабских писателей и 5) надписи на надгробиях, существующих в г. Болгарах и других местах». В соответствии с этим планом Ашмарин вначале рассматривает гуннские онимы *Вар* (название Днепра), *Аттила*, *Керка*. Так или иначе они возводятся к чувашским этимонам, с чем, пожалуй, трудно согласиться, хотя сопоставление *Вар* ~ чув. *вар* «долина; середина, нутро» выглядит весьма убедительным с учетом ротацизма и протезы *v-* (чув. *вар* ~ общетюрк. *бз/йз*), а также находит подкрепление в топонимии Волго-Камья⁷. Далее этимологизируются и подробно комментируются болгарские апеллятивы и онимы по всем остальным пунктам намеченной программы. Сейчас, в свете многочисленных публикаций на эту тему, конечно же, можно критически оценивать многие конкретные этимологические решения Ашмарина, однако нельзя не признать, что именно им были глубоко продуманы и определены перспективы болгаро-чувашской исторической ономастики⁸.

1.2. Попытку периодизации истории болгарского антропонимикона мы также находим в статьях А. Б. Булатова. В частности, им выделены следующие этапы и страты: 1) имена болгар в бытность их на Северном Кавказе и в Северном Причерноморье (V—VII вв.); 2) имена болгар по данным Ибн Фадлана (922 г. н. э.); 3) имена, известные по эпиграфическим памятникам камских болгар XIII—XIV вв.; 4) болгарские имена у татар, известные по эпиграфическим памятникам XVI—XVII вв.; 5) имена болгар, приведенные автором XVI—XVII вв. Шарафутдином бин Хисаметдином Муслими в его труде «Тэварихы Булгария» («История Булгарии») ⁹. К сожалению, автором при составлении списка «бул-

гарских» имен привлечен ряд источников, которые не могут считаться вполне достоверными. С другой стороны, не произведена атрибуция единиц собственно болгарского именника, привлечено много ложных («мифических») имен явно позднего происхождения.

1.3. В последнее время появилось несколько работ обобщающего характера, которые позволяют поставить вопрос о периодизации развития хунно-булгаро-чувашиского ономастикона на твердую почву.

Общий обзор источников по рассматриваемым этнолингвистическим образованиям, а также новейших исследований по теме содержится в капитальной монографии польских ученых¹⁰. Тщательно разработанные этимологии с глубоким фронтальным анализом языкового (в том числе и ономастического) материала мы находим в работе К.- Г. Менгеса «Восточные элементы в «Слове о полку Игореве» (Л., 1979). Н. А. Баскаков в своей книге «Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве» (М., 1985) выделил специальный раздел для историко-этимологического словарика этнонимов и антропонимов гуннов, сабиров, аваров, хазар и болгар. Наряду с разработкой новых этимологий для ряда онимов автором учтены и прежние решения, в ряде случаев привлечен чувашский языковой материал (см. статьи *абдал*, *акацир* ~ *альтциагир*, *сабир* ~ *савир*; *Булан* ~ *Булган*, *Винех*, *Денгизих*, *Керка* ~ *Эрка*, *Омуртаг* ~ *Оумор* ~ *Умор*, *Тиранис*, *Тервел* ~ *Тарвел* ~ *Тервень*, *Эллак*). Автор рассматривает этнонимические и антропонимические модели со структурной и семантической стороны, выделяет наиболее частотные, типичные именно для хунно-булгарской онимии. Это позволяет повысить степень достоверности историко-этимологических разработок. Правда, заметно желание исследователя *arguere* ограничить себя, в основном, этимонами «алтайского» происхождения, с чем, очевидно, не согласились бы многие из языковедов-компаративистов, обращавшихся к этому лингвистическому материалу.

Что касается языка хунну ~ гуннов, то его тюркская природа отвергается, например, Г. Дёрфером. Ряд исследователей ввиду чрезвычайно ограниченного и гетерогенного материала воздерживаются от каких-либо — положительных или отрицательных — суждений на этот счет¹¹.

Первое упоминание гуннов Дионисием Периегетом относится к 160 г. н. э.¹² С европейской арены они отступают в VI в. В дальнейшем остатки гуннов, имеющие этнонимы на *-гур/-гир* (*котригуры* ~ *кутригуры* ~ *кутургуры* ~ *котрагиры*, *сарагуры*, *унногуры* ~ *ун(н)угундуры*, *утигуры*, а также *сабиры*) «составят ядерные группы протобулгарских орд в

Черноморско-Каспийских степях... Несомненно, некоторые остатки языка гуннов сохранялись в протоволжско-булгарском языке и его позднейшем историческом наследнике — чувашском...»¹³.

2.1. При изучении хунно-булгаро-чувашского ономастикона мы не можем не учитывать те принципы, которые выработаны в ходе сравнительно-генетических исследований в тюркологии (resp. алтаистике). Во-первых, это изучение функционирования имени (антропонимической системы) во времени и пространстве. Во-вторых, генетическое отождествление при поиске этимологий конкретных онимов с учетом хронологии и ареала распространения. В-третьих, учет фактора нахождения онимов в иноязычной социокультурной сфере (например, для антропонимии дунайских булгар это греко-византийско-римское влияние, позднее старославянское; для именника волжских булгар — сильная интерференция арабомусульманско-кыпчакской антропонимии).

2.2. Периодизация развития хунно-булгаро-чувашского ономастикона не может также не зависеть от общей периодизации истории чувашского языка. В этом плане задача облегчается тем, что А. Рона-Ташем в недавней работе были выдвинуты теоретические принципы и обоснования истории чувашского языка на фоне периодизации истории развития тюркских языков в целом¹⁴. Периодизация в исторической ономастике в еще большей степени, чем история языка, зависит от характера письменных источников, находящихся в нашем распоряжении, экстралингвистических исторических событий и фактов ареально-генетического взаимодействия языков.

3.1. Первым в историческом развитии хунно-булгаро-чувашского ономастикона считается *хуннский период* (II—VI вв.), который, по данным греческих, армянских и сирийских хронистов, охватывает исторические события, связанные с деятельностью гуннов на восточноевропейской арене. В сводке гуннских онимов (антропонимов) выделяется по крайней мере три следующих языковых слоя: 1) германский (готский) — *Руас* (<*Ругила*), *Атила*, *Бледа*, *Эдекон*, *Ландарицус*, *Онегезийос*, *Рогнарис*; 2) иранский — *Айсхманос* (?), *Балас*, *Хормидак*, *Хорсоманес* ~ *Хорсомантис*, *Стипакс*, *Глонес*, *Заберган* и др.; 3) тюркский (resp. алтайский?) — *Атакам*, *Басих*, *Берихос*, *Ереккан* ~ *Крека* ~ *Эрка*, *Эрнак* ~ *Ирнек*, *Биттогур*, *Хоногур*, *Денгизих*, *Акум*, *Сигизан*, *Чичик* ~ *Чечек*, *Органа* ~ *Орхан*, *Тиранис*, *Чаткасар* ~ *Чатынхазр*, *Куридах*, *Эллак*, *Курсих*, *Эсл* ~ *Эслан* ~ *Эслас* и др.¹⁵. Неясность и сомнительность генетических отождествлений, которые применялись к этому материалу, привели Бенцинга к мнению, что в хуннской ономастике «при желании и настойчивости

можно вычлени́ть «алтайские», «кавказские», индогерманские и многие другие элементы, и при этом, к сожалению, нет никакой возможности убедиться, является ли данное объяснение ложным или правильным»¹⁶.

4.1. Второй период с учетом ареала распространения ономов можно было бы назвать *южнобулгарским* (V—XII вв.). В свою очередь, он разделяется на три подпериода: 1) середина V в. (первые упоминания оногур-булгар на Кавказе)—650 г. (распад Великой Булгарии); 2) 681 г. (основание Аспаруховой державы за Дунаем) — IX в. (принятие булгарами христианства); 3) IX—XII вв. — постепенная славянская ассимиляция тюрко-булгар на Балканах.

4.2. К источникам ономастического южнобулгарского периода можно отнести следующие: протобулгарские надписи греческого письма, из которых две написаны непосредственно на болгарском языке в греческой транслитерации, остальные содержат в основном антропонимы, титулы, отдельные лексемы подобно волжско-булгарским эпиграфическим памятникам¹⁷.

4.2.1. К болгарской антропонимии в прямой передаче (в составе греческой и отчасти старославянской эпиграфики) можно отнести следующие имена: *Богюн, Борис, Дристрос, Эратис, Иболос, Корсис, Крумос, Кромесис, Маламир, Негабис...с, Негин, Омуртаг, Персианос, Пумир, Сибин, Тербелис, Хсунос, Тзунос* и др.; *Мостичъ, Тагчн (?)*; *Докс, Расате, Сондоке, Зергобула; Тербеллиос, Телеруг, Хо(у)мир*.

4.2.2. Родовые имена: *Дуарис, Эрмиарис, Кобиарис, Тзакарарис, Корибир, Эртхитенос* и др.

4.3. В греческих, латинских, староболгарских письменных источниках (в непрямо́й передаче) встречаются такие ономастические глоссы: *Аспарух, Аспар ≈ Асфар, Байнос ~ Батбаян ~ Боинос, Борисис ~ Богорис, Дитзегос, Дистрос, Дукумос, Элемагос, Эсхатзис, Дзбинитзис, Кампаганос (< Паганос), Кардамос, Кобратос ~ Кробатос ~ Кубратос ~ Кубарос, Кормесиос, Кубер, Купергос, Кракрас, Мармин, Миритдзикиос, Небулос, Нестогиос, Омбригагос ~ Муртагон, Органас ~ Арганас, Умарос, Пресиан ~ Пресианос, Сабинос, Сигритзис, Сурсугубис, Таридинас, Телеригогос, Телетзис, Телессиос, Тзокос, Тохтос; Алзекко ~ Альциокус, Баянус, Бусан, Докс, Хунол, Омортаг, Сундице и др.; Цокъ, Куртъ ~ Курътъ, Исперих ~ Есперих ~ Испор, Дукумъ, Диценгъ и др.*

4.4. В известном «Именнике болгарских ханов» (IX—X вв.) представлены личные имена *Авитохол, Ирник, Гостун, Курт, Безмер, Исперих, Тервел, Товирем, Севар, Кормисош, Винех, Телец, Сабин, Умор*, а также родовые *Дуло, Ерми, Вокил, Вихтун, Укил, Угаин*. В настоящее время мы можем восполь-

зоваться новым критическим изданием этого текста и подробнейшим комментарием к нему И. Богданова¹⁸.

4.5. В целом корпус онимов южнобулгарского периода насчитывает около двухсот единиц, большую часть которых составляют антропонимы, как это видно из вышеприведенных суммарных списков. Обработка византийских источников с целью выявления тюркских (resp. болгарских) «языковых остатков» была произведена в свое время Д. Моравчиком¹⁹. Собранный им материал давно должен быть введен в оборот болгаро-чувашской исторической ономастики.

4.6. Многие из имен, приведенных в 4.2.—4.4., подвергались этимологизации Л. Катоной, Ю. Неметом, О. Прицаком и др. По мнению В. Бешевлиева, в южнобулгарском антропонимиконе заметно выделяются иранские элементы²⁰. Встречающийся в некоторых именах элемент *-gos* также может быть возведен к иран. *-agos* (гипокористический суффикс): Интересна этимология имени *Аспарух*, предложенная В. И. Абаевым: иран. *aspa* «лошадь» + *ruk* <др.-иран. *rauika, rauša* «свет, светлый» = «имеющий светлых коней»²¹. Очевидно, можно выделить ономастические изоглоссы, которые связывают южнобулгарский ареал с поволжско-булгарским, однако этот вопрос практически еще никем не ставился.

5.1. Касаясь структуры болгарских антропонимов 2-го периода, следует отметить, что они, как правило, одноосновны, т. е. в них выделяется одна ономатооснова. Возможно, в этом сыграло определенную роль преобладание монотематических имен в палеобалканской антропонимии в целом. Как отмечает В. П. Нерознак, они «во многих случаях являются сокращенной формой от композита»²². Не скрываются ли в антропонимии дунайских болгар подобные композиты?

Имени обычно предшествует титул. Например, в надгробной надписи времен правления Маламира (831—836): **КАНЕ СЮБИГИ МАЛАМИР**, или в золотом медальоне Омуртага: **КАНЕ СЮБИГИ ОМОРТАГ**. Реже титул следует за именем: **КРУМОС АРХОНЪТ СЮБИГИ** (надпись на арке из Хамбарли). Согласно тюркскому словопорядку, логичнее был бы последний вариант (ср. имена в текстах орхоно-енисейских рунических памятников; впрочем, там тоже допускаются колебания: *bilgä toñuquq*, где *bilgä*, по А. Н. Кононову, не прилагательное «мудрый», а титул от *bil-* «управлять». Ср. также *küli-čura*, где титул *čura* «воитель»)²³.

Следует указать также на то обстоятельство, что греко-римское влияние в целом не затронуло болгарские антропонимические модели за счет добавления теофорных, исторических и прозвищных имен, что обычно для реликтовых палеобалканских языков (ср. латинскую модель *praenomen + nomen + cognomen*, иногда + *agnomen*). Вероятно, это свя-

зано (по крайней мере, в подпериод до принятия христианства) со значительными культурными различиями между византийцами и булгарами-язычниками.

Имена, представленные в «Именнике болгарских ханов», вероятно, в соответствии с жанром родословной представляют антропонимы с обязательным указанием на его родовую принадлежность: КОРМИСОШЬ, ЛЪТЬ, РОД ЕМОУ ВО-КИЛЬ... Из этого можно заключить, что родовые имена прежде также входили в болгарскую антропонимическую модель.

6.1. Третьим периодом исторического развития ономастикона можно считать *булгаро-хазарский* (IV—X вв.). Собственно хазарская онимия ввиду своей малочисленности и генетической неясности может быть включена в единое хунно-булгаро-чувашское ономастическое пространство, границы которого мы пытаемся определить. Особый интерес представляют хазарские топонимы, которые неоднократно привлекали внимание исследователей²⁴. Для определения процессов топогенеза в булгаро-хазарской этнолингвистической среде особенно важны *Варачан, Беленджер, Семендер, Итиль, Саркел*²⁵.

7.1. Дополнительным источником для изучения ономастикона и соответствующего ономастического ареала могла бы быть так называемая восточноевропейская руника²⁶. Прочтение и генетическое отождествление рунических памятников европейского ареала с тем или иным историческим этносом, проживавшим в пределах этой территории (булгары, хазары, мадьяры, печенеги), являются во многом еще спорными (например, язык, представленный надписями на сосудах из Надь-Сент Миклоша, который признавался в свое время печенежским, теперь отождествляется как будто с болгарским). По мнению А. Н. Кононова, восточноевропейские рунические памятники могут условно делиться на две подгруппы: донецкую и дунайскую²⁷.

8.1. Четвертым периодом в сложении булгаро-чувашского ономастикона считается *севернобулгарский*, или волжско-булгарский (VIII—XVI вв.). Он делится на три подпериода: 1) VIII в. (массовое переселение булгар в волжско-камское междуречье) — XIII в. (разрушение болгарских городов татаро-монголами); 2) XIII—XV вв. (до появления чисто кыпчакских эпиграфических памятников); 3) XV—XVI вв. — период Казанского ханства.

8.2. По первому подпериоду некоторые онимы содержатся у Ибн Фадлана (922 г.). Здесь мы находим ряд булгаро-чувашских топонимов, этнонимов и антропонимов, которые нуждаются в новом прочтении и интерпретации. Ложное чтение такого этнонима как *سواز* *swāz* было немаловажным

аргументом в особой концепции чувашского этногенеза, в то время как, по дополнительным свидетельствам других арабских географов, он должен читаться как *سواد* *с(ә)вәр*²⁸. Новый материал, касающийся антропонима *Алмуш ал-малик йилтавар малик Булгар* приведен в статье О. И. Смирновой²⁹.

8.3.1. Значительный материал представляет нам эпиграфика волжских булгар XIII—XIV в. В корпусе антропонимов волжских булгар представлено около 300 единиц³⁰. В известной степени на антропонимическую модель в этот подпериод повлияла арабо-мусульманская антропонимическая формула, включающая в себя: исм — личное имя, кунью—по сыну, насаб — отчество, лакаб — прозвище, нисба — почетный эпитет (место рождения, национальность, происхождение), хитаб — теофорное имя. Например, имя булгарского эмира (по Бейхаки): *Абу Исхак* (кунья) *Ибрахим* (исм) *ибн Мухаммад* (насаб) *ибн Блвр* (насаб с нисбой). В отличие от канонической формулы в эпиграфических памятниках мы, как правило, находим обратный порядок словорасположения: *Умор авли Юсуф авли Мухаммад*. Ср. другие примеры: *Садр ад-Дин* (теофорное имя) *аш-Ширвани*; *Мунблз Балимар Ахмад Йувари* (здесь нисба и, возможно, родовое имя стоят перед исмом).

8.3.2. Соответственно, в отличие от антропонимов дунайских булгар, мы встречаем здесь двух-, трех- и четырехкомпонентные имена. В качестве исмов очень часто выступают имена арабского и персидского происхождения: *Матфих*, *Махмуд*, *Сулайман*, *Джаухар*, теофорные — *ал-Хамад*, *Ахмад*, *Ахмадулла*, *абд-ал-Джаббар* и др. Часто встречающиеся гибридные имена (булгаро-арабские или булгаро-кыпчакско-арабские) в составе одной антропонимической модели свидетельствуют о том, что именно в этот подпериод происходит радикальная смена булгарского исконного антропонимикона. В него проникают как кыпчакские онимы (*Алтын Берте*, *Айбике*, *Тәмир*, *Туктар*, *Сус йлти* и др.), так и собственно арабо-мусульманские (примеры см. выше). Отдельные антропонимы как будто допускают сближение и сопоставление с южнобулгарскими: *Умор*, *Исболос*, *Севар* и др.

8.3.3. В третий подпериод процесс смены антропонимикона продолжается, и в результате этого складывается тот корпус антропонимов, который в работах по чувашской ономастике трактуется как «чувашские языческие имена»³¹. Только тщательное специальное обследование этого корпуса позволит установить, сохранилось ли в нем что-нибудь от исконного хунно-булгарского антропонимикона. Это является одной из важных задач чувашской исторической ономастики.

* * *

Представленные выше обзор источников и периодизация исторического развития хунно-булгаро-чувашского ономастикона позволяют сформулировать некоторые принципы сравнительно-исторического изучения данного ономастического пространства:

1) данные исторической ономастики приобретают исключительную важность при реконструкции недостающих звеньев в цепи развития булгарской группы тюркских языков, так как древние языки, входящие в ее состав, являются преимущественно ономастическими;

2) насущной задачей является составление полного свода хунно-булгаро-чувашской онимики по периодам с указанием источников, точной датировки первой письменной фиксации и локализации;

3) необходима строгая палеографическая проверка материала — только в этом случае данные эпиграфики и других письменных источников станут надежной базой в работе ономаста-этимолога;

4) необходима фиксация всех хронологических и специальных фонетических и орфографических вариантов имени, что важно при определении его морфологической структуры и поиске этимона;

5) основными аспектами исследования в исторической ономастике остаются диахронический и диатопический — анализ функционирования онима во времени и пространстве;

6) анализ ономастического материала должен вестись с учетом фактора относительной хронологии; недопустимо, как это часто делается в работах историков, этнографов, сопоставлять, например, имена из списка В. К. Магницкого (XVIII—XIX вв.) и онимы южнобулгарского периода — промежуток между ними по меньшей мере в 1000 лет;

7) необходим анализ всего корпуса хунно-булгаро-чувашского ономастикона (особенно это важно для антропонимии) по методике повторяющихся морфем, основ и суффиксальных элементов с выделением наиболее характерных структурных типов хунно-булгаро-чувашской онимики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. 2-е изд. испр. и дополн. М., 1969. С. 231—242.

² Benzing J. Das Hunnische, Donaubolgarische und Wolgabulgarische (Sprachreste). Das Tschuwaschische // *Philologiae Turcicae Fundamenta*. Wiesbaden, 1959. Т. 1. S. 685—751.

³ Там же. С. 685 и след.

⁴ *Philologiae Turcicae Fundamenta*. S. 6.

⁵ Менгес К.-Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979. С. 34, 71—72.

⁶ Нерознак В. П. Принципы исследования палеобалканской ономастики // *Истор. ономастика*. М., 1977. С. 27—28.

- ⁷ Ашмарин Н. И. Болгары и чувашы. Казань, 1902. С. 51—56.
- ⁸ Корнилов Г. Е. Булгаро-чувашское языкознание и ономастика // Ономастика Поволжья-2: Материалы II Поволжской конференции по ономастике. Горький, 1971. С. 362—368.
- ⁹ Булатов А. Б. Антропонимы у болгар // Учен. зап. // ЧНИИ. 1969. Вып. 47. С. 249—253; Он же. Личные имена у древних болгар (VI—XVI вв.) // Ономастика Поволжья-2. Горький, 1971. С. 79—81. Неоправданную «привязку» онимов казанских татар нового времени (XVIII—XIX вв.) к болгарским «корням» мы видим и в заметке: Юсупов Г. В. Антропонимы в булгаро-татарской эпиграфике // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем: Проблемы антропонимики. М., 1970. С. 248—252.
- ¹⁰ Dabrowski K., Nagrodzka-Majchrzyk T., Tryjarski E. Hunowie europejscy, protobulgarzy, chazarowie, pieczyngowie. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdansk, 1975.
- ¹¹ См.: Doerfer G. Zur Sprache der Hunnen // Central Asiatic Journal. 1973. Vol. 17. N 1. S. 1—50; Benzing J. Das Hunnische... S. 685—687; Róna-Tas A. The periodisation and sources of Chuvash linguistic history // Chuvash Studies: Asiatische Forschungen. Wiesbaden, 1982. B. 79. P. 128.
- ¹² Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 42.
- ¹³ Менгес К.-Г. Восточные элементы... С. 40, 52, 59. Здесь же сжато изложена история европейских гуинов, протобулгар и хазар.
- ¹⁴ Róna-Tas A. Op. cit. P. 113—169.
- ¹⁵ Dabrowski K., Nagrodzka-Majchrzyk T., Tryjarski E. Op. cit. P. 117—120; Maenchen-Helfen O. The language of the Huns // Тр. Международного конгресса востоковедов. М., 1963. Т. 3.
- ¹⁶ Benzing J. Das Hunnische... S. 687. Там же сообщены некоторые этимологии В. Банга, Л. Катоны, О. Прицака; Баскаков Н. А. Тюркская лексика... С. 30—48.
- ¹⁷ Бешевлиев В. Първобългарите: Бит и култура. София: 1981. С. 24—38, 125—140. Здесь дается полная сводка онимов дунайских болгар. См. также: Бешевлиев В. Прабългарски епиграфски паметници. София, 1981.
- ¹⁸ Именник на българските ханове: Критично издание с коментар и обяснителни бележки от Иван Богданов. София, 1981.
- ¹⁹ Moravcsik Gy. Byzantico-turcica. I—II. 2. Aufl. Berlin, 1958.
- ²⁰ Бешевлиев В. Иранские элементы у ранних болгар // Античное общество. М., 1967.
- ²¹ Основы иранского языкознания: Древнеиранские языки. М., 1979: С. 281.
- ²² Нерознак В. П. Указ. соч. С. 39—40.
- ²³ Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—X вв. Л., 1980. С. 16.
- ²⁴ Dabrowski K., Nagrodzka-Majchrzyk T., Tryjarski E. Op. cit. P. 468—472.
- ²⁵ Баскаков Н. А. Тюркская лексика... С. 17—20.
- ²⁶ Róna-Tas A. A Runic Inscription in the Kujbysev region // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae: 1976. T. 30. F. 3. P. 267—271. Границы восточноевропейской руники венгерский исследователь в свете новых данных очерчивает таким образом: крайняя восточная точка — деревянная палочка из Таласа, крайняя южная точка — надпись из Хумары (Северный Кавказ), западная граница — находки на территории Венгрии (Надсентмиклошский клад и др.), северная граница — Саркел, Новочеркасск, Элиста, Большое Микушкино Куйбышевской области. Несколько иначе этот ареал очерчивается в работе: Щербак А. М. О рунической письменности в Юго-Восточной Европе // Сов. тюркол. 1971. № 4. С. 76—82. В более узком смысле ареал восточноевропейской руники почти совпадает с границами распространения салтовомаяцкой культуры

и, соответственно, с границами Хазарского каганата. Подробнее см.: Плетнева С. А. Хазары. 2-е изд., дополи. М., 1986. С. 41—48.

²⁷ Кононов А. Н. Указ. соч. С. 21.

²⁸ Ковалевский А. П. Чуваши и болгары по данным Ахмеда ибн-Фадлана. Чебоксары, 1954. С. 16, 23—29. Ср. также: Егоров Н. И. К этимологии этнонима *чăваш* // Актуальные вопр. чув. языкозн.: Тез. докл. Чебоксары, 1980. С. 34—36.

²⁹ Смирнова О. И. К имени Алмышы, сына Шилки, царя болгар: Тюрк. сб. 1977. Л., 1981. С. 249—255.

³⁰ См. своды антропонимов в кн.: Хакимзянов Ф. С. Язык эпитафий волжских болгар. М., 1978. С. 188—191; Róna-Tas A., Fodor S. Epigraphica *Bulgarica: A volgai bolgár-török feliratok*. Szeged, 1973. P. 161—162.

³¹ Петров Л. П. Из истории чувашских дохристианских имен // Вопр. традиционной и современной культуры и быта чув. народа. Чебоксары, 1985. С. 60—77; Егоров Н. И. Женские личные имена низовых чувашей-язычников // Культура и быт низовых чувашей. Чебоксары, 1986. С. 88—97.